МЕЛАНИ КЛЯЙН

Печаль и маниакально-депрессивные состояния

(1940)

Существенную часть работы печали, как указывал Фрейд в работе “Печаль и меланхолия”, составляет тестирование реальности. Он говорит, что “в печали этот период времени необходим для детального выполнения повеления, наложенного тестированием реальности, и … выполняя эту работу, Эго достигает освобождения своего либидо от потерянного объекта”. И опять: “Каждое отдельное воспоминание и надежда, которые связывают либидо с объектом, проявляются и гиперкатектированы, и выполняется отвод либидо от них. Почему этот процесс выполнения повеления реальности шаг за шагом, что лежит в основе компромисса, должен быть таким необычайно болезненным, совсем не легко объяснить в терминах душевной экономии. Не имеет значения, что эта боль кажется нам естественной”. И в другом абзаце: “Мы даже не знаем, какими экономическими средствами выполняется работа печали; возможно, однако, здесь нам может помочь следующее предположение. Реальность накладывает свой вердикт - что объект больше не существует - на каждое отдельное воспоминание и надежду, которыми либидо было присоединено к потерянному объекту, и Эго, поставленное перед выбором, разделить ли его судьбу, убеждается суммой нарциссический удовлетворений остаться живым и разорвать свою привязанность к несуществующему объекту. Мы может вообразить, вследствие медленности и постепенности, с которой этот разрыв осуществляется, что потребление необходимой для этого энергии каким-то образом рассасывается в ходе выполнения этой задачи”.

С моей точки зрения, существует тесная связь между тестированием реальности в нормальной печали и ранними процессами в мышлении [mind]. Я утверждаю, что ребенок проходит через состояние ума, сравнимое с печалью взрослого, или, вернее, эта ранняя печаль оживает, когда скорбь переживается в дальнейшей жизни. Важнейший метод, с помощью которого ребенок преодолевает эти состояния печали, есть, на мой взгляд, тестирование реальности; этот процесс, однако, как подчеркивал Фрейд, составляет часть работы печали.

В моей работе “Психогенезис маниакально-депрессивных состояний” я ввела понятие инфантильной депрессивной позиции, и показала связь между этой позицией и маниакально-депрессивными состояниями. Сейчас, чтобы прояснить отношение между инфантильной депрессивной позицией и нормальной печалью, я должна сначала кратко изложить некоторые утверждения той статьи, и затем буду основывать на них свои рассуждения. В ходе этого изложения я также надеюсь внести вклад в дальнейшее понимание связи между нормальной печалью, с одной стороны, и маниакально-депрессивными состояниями, с другой.

Я говорила там, что ребенок переживает депрессивные чувства, которые достигают своего расцвета непосредственно перед, во время и после отнятия от груди. Это состояние ума ребенка я назвала “депрессивной позицией” и говорила о том, что оно есть меланхолия statu nascendi. Объект, о котором печалятся, есть грудь матери и все, что грудь и молоко представляют для детского ума: а именно, любовь, хорошие качества и безопасность. Ребенок чувствует, что потерял все это, и потерял в результате своих собственных неконтролируемых жадных и деструктивных фантазий против груди матери. Дальнейшие страдания в связи с угрозой потери (в это время обоих родителей) возникают в Эдиповой ситуации, которая устанавливается так

рано и в такой близкой связи с фрустрациями грудью, что в самом начале в ней доминируют оральные импульсы и страхи. Круг любимых объектов, которые в фантазиях подвергаются нападению и потери которых, вследствие этого, опасаются, расширяется из-за амбивалентных отношений ребенка к его братьям и сестрам. Агрессия против фантазийных братьев и сестер, атакуемых внутри материнского тела, также приводит к чувствам вины и утраты. Сожаление и беспокойство в связи со страхом потери “хороших объектов”, т.е. депрессивная позиция, как свидетельствует мой опыт, является глубочайшим источником болезненных конфликтов в Эдиповой ситуации, равно как и в отношениях ребенка к людям в общем. В нормальном развитии эти чувства печали и страха преодолеваются различными методами.

Вместе с отношением ребенка сначала к матери и вскоре к его отцу и другим людям происходят те процессы интеграции, которым я придаю такое большое значение в моей работе. Ребенок, инкорпорировав своих родителей, чувствует их живущими внутри его тела определенным образом, которым воспринимаются глубокие бессознательные фантазии, - они, в его уме, “внутренние” (“internal” or “inner”) как я назвала их. Таким образом, внутренний мир, строящийся в бессознательном ребенка, соответствует его реальным переживаниям и впечатлениям, которые он получает от людей и внешнего мира, все же изменяется его собственными фантазиями и импульсами. Если это мир людей, преимущественно живущих мирно друг с другом и с Эго, он влечет за собой внутреннюю гармонию, безопасность и интеграцию.

Существует постоянное взаимодействие между тревогами, относящимися к “внешней” матери - как я буду называть ее здесь по контрасту с “внутренней” - и тревогами, относящимися к “внутренней” матери, и методы, используемые Эго при обращении с этими двумя видами тревог тесно взаимосвязаны. В уме ребенка “внутренняя” мать связана с “внешней”, “двойником” которой она является, и которая, однако, посредством самого процесса интернализации служит основой изменений в его уме; т.е., ее образ находится под влиянием его фантазий, под влиянием внутренних стимулов и внешних переживаний всякого рода. Когда внешние ситуации, которые он проживает, становятся интернализированными - и я утверждаю, что так и происходит с самых ранних дней - они следуют одинаковому образцу: они становятся “двойниками” реальных ситуаций, и вновь изменяются по сходным причинам. Факт, что будучи интернализированными, люди, вещи, ситуации и события - весь внутренний мир, который строится - становятся недоступны ребенку для точного наблюдения и составления мнения, и не могут быть протестированы средствами восприятия, доступными в материальном и осязаемом мире, имеет важное значение для фантастической природы этого внутреннего мира. Вытекающие отсюда сомнения, неуверенность и тревоги действуют как сознательный стимул для маленького ребенка наблюдать и достигать уверенности относительно внешнего объектного мира, из которого этот внутренний мир берет начало, и этими средствами лучше понимать свой внутренний мир. Внешняя мать таким образом обеспечивает сознательные доказательства того, какая “внутренняя” мать, любящая она или сердитая, помогающая или мстительная. Степень, в которой внешняя реальность способна опровергнуть тревоги и сожаления, относящиеся к внутренней реальности, варьируется индивидуально, но может рассматриваться как один из критерием нормальности. У детей, у которых так сильно преобладает их внутренний мир, что их тревоги не могут быть удовлетворительно опровергнуты и нейтрализованы даже приятными аспектами их взаимоотношений с людьми, серьезные душевные проблемы неизбежны. С другой стороны, определенное количество даже неприятных переживаний значимо в этом тестировании реальности ребенком, если, через преодоление их, он чувствует, что может сохранить свои объекты, равно как и их любовь к нему и его любовь к ним и, таким образом, сохранить или переустановить внутреннюю жизнь и гармонию перед лицом опасностей.

Все удовлетворения, которые переживает ребенок в отношении со своей матерью, служат для него многочисленными доказательствами того, что любимый объект внутри, равно как и вовне, не разрушен, не превращен в мстительную личность. Увеличение любви и уверенности и уменьшение страхов в результате счастливых переживаний помогают ребенку шаг за шагом преодолеть его депрессию и чувство утраты (печаль). Они позволяют ему тестировать его

внутреннюю реальность средствами внешней реальности. Через ощущение себя любимым и через удовлетворение и комфорт от отношений с людьми его уверенность в своих собственных, равно как и в хороших качествах других людей, усиливается, его вера, что его “хорошие” объекты и его собственное Эго могут быть сохранены и предохранены, увеличивается, в то же время как его амбивалентность и острый страх внутреннего разрушения уменьшается.

Неприятные переживания у маленьких детей и отсутствие приятных, особенно отсутствие счастливого и близкого контакта с любимыми людьми, увеличивают амбивалентность, уменьшают уверенность и надежду и подтверждают тревоги, относящиеся к внутренней аннигиляции и внешнему преследованию; более того, они замедляют и, возможно, постоянно сдерживают благотворные процессы, посредством которых в конечном счете достигается внутренняя безопасность.

В процессе приобретения знаний каждая новая частица опыта вписывается в образцы, предоставляемые психической реальностью, господствующей в это время, тогда как психическая реальность ребенка постепенно изменяется под влиянием каждого шага в его прогрессирующем понимании внешней реальности. Каждый такой шаг сопровождается более и более твердым установлением его внутренних “хороших” объектов, и используется Эго как средство преодоления депрессивной позиции.

В другом месте я выражала точку зрения, что каждый ребенок переживает тревоги, которые психотические по содержанию, и что инфантильный невроз есть нормальное средство обращения с этими тревогами и модифицирования их. Этот вывод я могу сейчас подтвердить более точно, как результат моей работы с инфантильной депрессивной позицией, которая привела меня к пониманию того, что это центральная позиция в развитии ребенка. В инфантильном неврозе ранняя депрессивная позиция находит выражение, перерабатывается и постепенно преодолевается, и это является важной частью процесса организации и интеграции, который, вместе с сексуальным развитием, характеризует первые годы жизни. В норме ребенок проходит через свой инфантильный невроз, и ,среди других достижений, приобретает шаг за шагом хорошее отношение к людям и реальности. Я утверждаю, что это удовлетворительное отношение к людям зависит от его успеха в борьбе с хаосом внутри него (депрессивная позиция) и безопасного установления его “хороших” внутренних объектов.

Давайте сейчас рассмотрим более детально методы и механизмы, которые осуществляют это развитие.

У ребенка процессы интроекции и проекции, в которых доминируют агрессия и тревоги, усиливающие друг друга, приводят к страхам преследования ужасными объектами. К таким страхам добавляются страх потерять любимые объекты, т.е. возникает депрессивная позиция. Когда я впервые вела понятие депрессивной позиции, я утверждала, что интроекция всего любимого объекта приводит к беспокойству о том, не разрушится ли этот объект (“плохими” объектами и Оно), и что эти вызывающие страдание чувства и страхи, в дополнение к параноидным страхам и защитам, составляют депрессивную позицию. Существует, таким два типа страхов, чувств и защит, которые, несмотря на то, что очень многообразны [varied in themselves] и тесно связаны друг с другом, на мой взгляд, в целях теоретической ясности, могут быть отделены друг от друга. Первый тип чувств и фантазий преследования характеризуется страхами, относящимися к разрушению Эго внутренними преследователями. Защитами против этих страхов является преимущественно разрушение преследователей неистовыми или скрытными и коварными методами. Эти страхи и защиты я детально рассматривала в другом контексте. Второй тип чувств, составляющих депрессивную позицию, я первоначально описала без введения специального термина для них. Сейчас я предполагаю использовать для этих чувств печали и беспокойства о любимых объектах, страха потерять их и стремления вернуть их простое слово, взятое из повседневного языка - а именно, “тоска” (pinning) по любимому объекту. Короче - преследование (“плохими” объектами) и характерные защиты от него, с одной стороны, и тоска по любимому (“хорошему”) объекту, с другой, составляют депрессивную позицию.

Когда возникает депрессивная позиция, Эго вынуждено (в дополнение к более ранним защитам) развивать методы защиты, которые главным образом направлены против “тоски” по любимому объекту. Это имеет фундаментальное значение для всей организации Эго. Первоначально я назвала эти методы *маниакальными защитами*, или *маниакальной позицией*, из-за их связи с маниакально-депрессивными заболеваниям.

Флуктуации между депрессивной и маниакальной позицией составляют существенную часть нормального развития. Эго под действием депрессивных тревог (тревога, что любимые объекты, равно как и само Эго могут быть разрушены) создает всемогущественные (and violent) фантазии, частично с целью сохранить и восстановить любимые объекты. С самого начала эти всемогущественные фантазии, и деструктивные, и репаративные, стимулируют и входят во всю деятельность, интересы и сублимации ребенка. У маленького ребенка исключительных характер его садистических и конструктивных фантазий сочетается с исключительной ужасностью его преследователей - и, на другом конце шкалы, с исключительным совершенством его “хороших” объектов. Идеализация есть существенная часть маниакальной позиции и связана с другим важным элементом этой позиции, а именно, отрицанием. Без частичного и временного отрицания психической реальности Эго не может переносить несчастья, которые, как оно чувствует, ему угрожают, когда депрессивная позиция в разгаре. Всемогущество, отрицание и идеализация, тесно связанные с амбивалентностью, позволяют раннему Эго устоять в некоторой степени против внутренних преследователей и против рабской и рискованной зависимости от его любимых объектов, и таким образом достичь новых успехов в развитии. Процитирую здесь часть моей предыдущей статьи:

В самой ранней фазе преследующие и хорошие объекты (грудь) находятся далеко друг от друга в уме ребенка. Когда, вместе с интроекцией целого и реально объекта, они становятся ближе, Эго вновь и вновь возвращается к механизму - столь важному для развития отношений к объектам - а именно, расщеплению образов (imagos) на любимые и ненавидимые, т.е. на хорошие и опасные.

Возможно, именно в этот момент устанавливается (sets in) амбивалентность, которая, помимо прочего, относится к объектным отношениям - т.е., к целостным и реальным объектам. Амбивалентность, осуществляемая (carried out in) в расщеплении образов, позволяет маленькому ребенку достичь большей уверенности и веры в свои реальные объекты и, таким образом, в свои интернализированные объекты - любить их больше и осуществлять в большей мере свои фантазии о восстановлении любимого объекта. В то же время параноидные тревоги и защиты направлены против “плохих” объектов. Эта поддержка, которую Эго получает от реального “хорошего” объекта, увеличивается механизмом бегства (flight), который осуществляет колебания между внешними и внутренними хорошими объектами. [Идеализация.]

По-видимому, на этой стадии развития выполняется объединение внешних и внутренних, любимых и ненавидимых, реальных и воображаемых объектов таким образом, что каждый шаг в объединении приводит вновь к обновленному расщеплению образов. Но по мере увеличения адаптации к внешнему миру, это расщепление осуществляется в плоскостях, которые постепенно становятся все ближе и ближе к реальности. Это происходит до тех пор, пока не установятся в достаточной степени любовь к реальным и интернализированным объектам и вера в них. Тогда амбивалентность, которая частично служит защитой против собственной ненависти и против ненавидимых и пугающих объектов, будет в нормальном развитии вновь уменьшаться в различной степени.

Как я уже говорила, всемогущество преобладает в ранних фантазиях, и деструктивных, и репаративных, и влияет на сублимации и объектные отношения. Всемогущество, однако, так близко связано в бессознательном с садистическими импульсами, с которыми оно вначале ассоциировано, что ребенок чувствует, что вновь и вновь его попытки совершить репарации не достигают, или не достигнут, успеха. Его садистические импульсы, он чувствует, могут легко взять верх над ним. Маленький ребенок, который не может удовлетворительно доверять своим репаративным и конструктивным чувствам, как мы видели, прибегает к маниакальному всемогуществу. По этой причине на ранней стадии развития Эго не имеет адекватных средств в

своем распоряжении для удовлетворительного обращения с виной и тревогой. Все это приводит к необходимости для ребенка - и по этой причине в некоторой степени также и для взрослого - повторять определенные действия обсессивно (что, на мой взгляд, является частью навязчивого повторения), или противоположный метод - обращаться за помощью к всемогуществу и отрицанию. Когда защиты маниакальной природы терпят неудачу, защиты, в которых опасность от различных источников отрицается или минимизируется, Эго вынуждено, взамен этого или одновременно, сражаться со страхами повреждения или дезинтеграции, пытаясь выполнить репарации обсессивным образом. В другом месте я приводила мой вывод, что обсессивные механизмы являются защитой против параноидных тревог, равно как и средством модификации их, и здесь я только кратко покажу связь между обсессивными механизмами и маниакальными защитами в связи с депрессивной позицией в нормальном развитии.

Сам факт, что маниакальные защиты действуют в такой близкой связи с обсессивными защитами, вносит свой вклад в страх Эго что репарации, осуществляемые обсессивными средствами, также потерпят неудачу. Желание контролировать объект, садистическое удовлетворение от победы и уничтожение его, получение преимуществ над ним, *триумф* над ним, могут так сильно входить в акт репарации (осуществляемый посредством мыслей, действий и сублимаций), что благотворный цикл, начатый этим действием, разрушается. Объекты, которые должны были быть восстановлены, превращаются вновь в преследователей, и, в свою очередь, оживают параноидные страхи. Эти страхи усиливают параноидные механизмы защиты (разрушение объекта), равно как и маниакальные механизмы (управление им или поддержание его в отложенной анимации, и т.д.). Репарация, которая осуществляется, таким образом нарушается или даже аннулируется - согласно степени, с которой эти механизмы активируются. Как результат неудача в выполнении репарации, Эго вынуждено вновь и вновь обращаться к обсессивным и маниакальным защитам.

Когда в ходе нормального развития достигается относительный баланс между любовью и ненавистью, тогда также образуется определенное равновесие между этими противоположными и все-таки тесно связанными методами, и их интенсивность уменьшается. В этой связи я хочу подчеркнуть значение *триумфа*, тесно связанного с презрением и всемогуществом, как элемента маниакальной позиции. Мы знаем, какую роль соперничество играет в страстном желании ребенка сравняться в достижениях со взрослыми. В дополнение к соперничеству, его смешанное со страхом желание “вырасти” из своих недостатков (в конечном счете преодолеть свою деструктивность и свои плохие внутренние объекты и стать способным управлять ими) служит стимулом для всех его достижений. Согласно моему опыту, желание перевернуть отношение ребенок-родитель, обрести власть над родителями и достичь триумфа над ними, всегда в некоторой степени ассоциировано с импульсом к достижению успеха. Ребенок фантазирует, что придет время, когда он будет сильный, высокий и взрослый, мощный, богатый и потентный, а отец и мать превратятся в беспомощных детей, или наоборот, в его фантазиях, они будут очень старые, слабые, бедные и отвергнутые. Триумф над родителями в таких фантазиях, через чувство вины, к которому он приводит, часто нарушает стремления разного рода. Некоторые люди обречены оставаться неудачниками, т.к. успех всегда подразумевает для низ оскорбление или даже опасность для кого-то другого, в первую очередь триумф над родителями, братьями и сестрами. Действия, которыми они хотят достичь чего-то, могут быть очень конструктивными по своей природе, но неявный триумф и вытекающий ущерб и обида, причиняемые объекту, могут перевесить эти цели в уме субъекта и, следовательно, предотвратить их выполнение. В результате репарация любимым объектам, которые в глубине ума совпадают с теми, над которыми он чувствует триумф, вновь не может быть выполнена и, следовательно, вина остается необлеченной. Триумф субъекта над его объектами неизбежно подразумевает для него их желание триумфа над ним и, следовательно, ведет к неуверенности и чувству преследования. Это может привести к депрессии или усилению маниакальных защит и более сильному контролю его объектов, т.к. он потерпел неудачу в примирении, восстановлении или улучшении их, и, следовательно, чувство преследования ими вновь берет верх. Все это имеет важное влияние на инфантильную депрессивную позицию и успех или неудачу Эго в преодолении ее. Триумф над его внутренними объектами, которые Эго маленького ребенка контролирует, унижает и мучает,

составляет часть деструктивного аспекта маниакальной позиции, которая нарушает репарацию и воссоздание его внутреннего мира и мира и гармонии в нем, и, таким образом, триумф препятствует работе ранней печали.

Для иллюстрации этих процессов развития давайте рассмотрим некоторые черты, которые можно наблюдать у гипоманиакальных людей. Характерной чертой отношения гипоманиакальной личности к людям, принципам и событиям является их склонность к преувеличенным оценкам: сверхвосхищение (идеализация) или презрение (обесценивание). Вместе с этим он имеет тенденцию относиться ко всему в большом масштабе, думать в больших числах, все это в соответствии с величием его всемогущества, которым он защищает себя против страха потери единственного незаменимого объекта, своей матери, о которой он, по существу, все еще печалится. Его тенденция минимизировать значение деталей и малых чисел, частая зависимость (casualness????) от деталей и презрение к сознательности ярко контрастирует с очень доскональными методами, концентрацией на мельчайших вещах (Фрейд), которые являются частью обсессивных механизмов.

Это презрение, однако, также в некоторой степени основывается на отрицании. Он должен отрицать свой импульс сделать обширные и детальные репарации, потому что он должен отрицать причину репарации, а именно, повреждение объекта и последующие сожаление и вину.

Возвращаясь к ходу раннего развития, мы должны сказать, что каждый шаг в эмоциональном, интеллектуальном и физическом росте используется Эго как средство преодоления депрессивной позиции. Рост у ребенка сноровки, способностей и умений увеличивает его веру в психическую реальность его конструктивных тенденций, в его способность управлять и контролировать свои враждебные импульсы, равно как и свои “плохие” внутренние объекты. Таким образом тревоги из различных источников облегчаются, и эго приводит к уменьшению агрессии и, в свою очередь, его подозрительности к “плохим” внешним и внутренним объектам. Усиливающееся Эго, с его большей верой в людей, может затем пойти еще дальше в направлении объединения своих образов - внешних, внутренних, любимых и ненавидимых - и в направлении дальнейшего смягчения ненависти средствами любви и, таким образом, к общему процессу интеграции.

Когда вера ребенка в его способность любить, в его репаративную силу и в интеграцию и безопасность его хорошего внутреннего мира увеличивается как результат постоянных и разнообразных доказательств и контрдоказательств, получаемых при тестировании внешней реальности, маниакальное всемогущество и обсессивная природа импульсов к репарации уменьшаются, что означает, в общем, что инфантильный невроз пройден. [has passed]

Сейчас мы должны связать инфантильную депрессивную позицию с нормальной печалью. Мучительность реальной потери любимого человека, с моей точки зрения, в значительной степени увеличивается бессознательными фантазиями о потере также его *внутренних* “хороших” объектов. Он тогда чувствует, что его внутренние “плохие” объекты преобладают и его внутреннему миру угрожает разрушение. Мы знаем, что потеря любимого человека приводит у печалящегося к импульсу переустановить потерянный любимый объект в Эго. (Фрейд и Абрахам). С моей точки зрения, он не только принимает в себя (ре-инкорпорирует) личность, которую он потерял, но также переустанавливает его интернализированные хорошие объекты (в конечном счете своих любимых родителей), которые стали частью его внутреннего мира с самых ранних стадий его развития. Они также ощущаются погибшими, разрушенными, когда происходит потеря любимого человека. Вследствие этого ранняя депрессивная позиция, и вместе с ней тревоги, вины и чувства потери и вины происходящие от ранней ситуации, связанной с грудью, Эдиповой ситуации и всех других источников, реактивируются. Вместе со всеми этими эмоциями страх быть ограбленным и наказанным обоими опасными родителями - т.е. чувство преследования - также оживает в глубоких слоях психики.

Если, например, у женщины умирает ребенок, вместе с печалью и болью, ее ранний страх быть ограбленной “плохой” депрессивной матерью реактивируется и подтверждается. Ее собственные ранние агрессивные фантазии о том, чтобы украсть у матери детей, приводят к страху и чувству,

что ее наказали, и это усиливает амбивалентность и приводит к ненависти и недоверию к окружающим. Усиление чувства преследования в состоянии печали еще более болезненно потому, что в результате увеличения амбивалентности и недоверия, дружеские отношения с людьми, которые могли бы так помочь в это время, затрудняются.

Боль, переживаемая в медленном процессе тестирования реальности в работе печали, таким образом, кажется частично обусловленной необходимость, не только обновить связи с внешним миром и таким образом сознательно пережить потерю, но и в то же время посредством этого воссоздать с болью внутренний мир, которому грозит разрушение и гибель. Тогда как маленький ребенок, проходя через депрессивную позицию, борется, в своем бессознательном, задачей установления и интеграции своего внутреннего мира, также и печалящийся человек проходит через боль его восстановления и реинтеграции.

В нормальной печали реактивируются ранние психотические тревоги, печалящийся человек, фактически, болен, но, т.к. состояние его ума столь обычно и кажется столь естественным для нас, мы не называем печаль болезнью. (По аналогичным причинам, до недавнего времени, инфантильные неврозы нормальных детей не распознавались как таковые). Сформулирую мои выводы более точно: я должна сказать, что в печали субъект проходит через модифицированное и временное маниакально-депрессивное состояние и преодолевает его, таким образом повторяя, хотя в других обстоятельствах и с другими проявлениями, процессы, через которые ребенок нормально проходит в его раннем развитии.

Величайшая опасность для печалящегося человека состоим в повороте его ненависти, направленной против утраченного любимого человека, на самого себя. Одним из способов, которым ненависть выражает себя в ситуации печали, есть чувство триумфа над умершим. Я уже говорила ранее в этой статье о триумфе как части маниакальной позиции в инфантильном развитии. Инфантильные желания смерти родителям, братьям и сестрам реально выполняются, когда умирает любимый человек, т.к. он неизбежно в некоторой степени представляет собой самые ранние значимый фигуры и, следовательно, берет на себя часть чувств, относящихся к ним. Таким образом его смерть, разрушительная по другим причинам, в некоторой степени ощущается как победа, приводит к триумфу и, следовательно, еще более к вине.

В этом вопросе я нахожу, что мой взгляд отличается от взгляда Фрейда, который утверждает: “Во-первых, тогда: в нормальной печали также потеря объекта несомненно преодолевается, и этот процесс также поглощает всю энергию Эго, пока он длится. Почему тогда он не создает экономическое условие для фазы триумфа после своего завершения или, по крайней мере, не дает слабые признаки такого состояния? Я нахожу, что невозможно без подготовки ответить на это возражение”. Мой опыт свидетельствует, что чувства триумфа неизбежно связаны с нормальной печалью, и имеют эффект замедления работы печали, или даже усиливают трудности и боль, которые испытывает печалящийся. Когда ненависть к утраченному любимому объекту в ее различных манифестациях берет верх в печалящемся человеке, это не только превращает любимую фигуру в преследователя, но также ослабляет веру печалящегося в его хорошие внутренние объекты. Ослабленная вера в хорошие объекты нарушает наиболее болезненно процесс идеализации, который является существенным промежуточным шагом ментального развития. У маленького ребенка идеализированная мать служит защитой против репрессивной или мертвой матери и против всех плохих объектов, и поэтому представляет собой безопасность и саму жизнь. Как мы знаем, печалящийся получает большое облегчение от воспоминания о доброте и хороших качествах умершего, и то частично из-за утешения, которое он переживает от сохранения своего любимого объекта в настоящем времени как идеализированного объекта.

Временные состояния подъема (elation), которые возникают между скорбью и страданием в нормальной печали имеют маниакальный характер и обусловлены чувством внутреннего обладания совершенным любимым объектом (идеализированным). В любое время, однако, когда у печалящегося нахлынет ненависть к любимому лицу, его вера в него разрушается и процесс идеализации также нарушается. (Его ненависть к любимому лицу усиливается страхом, что

своей смертью любимый человек стремился наказать , как в прошлом он чувствовал, что его мать, когда ее не было с ним и когда он хотел ее, умерла, чтобы наказать его). Только постепенно, приобретая веру во внешние объекты и ценности разного рода, в норме печалящийся становится способным вновь усилить свое доверие к утраченным любимым людям. Тогда он может вновь перенести понимание того, что объект не был совершенным, и все-таки не потерять веру и любовь к нему и не бояться его возмездия. Когда эта стадия достигается, важный шаг в работе печали а в направлении ее преодоления, совершен.

Чтобы проиллюстрировать пути, которыми в норме печалящийся переустанавливает связи с внешним миром, приведу пример. Миссис А. в первые несколько дней после ужасной потери своего маленького сына, который внезапно умер, когда был в школе, принялась сортировать письма, оставляя его и отбрасывая другие. Она таким образом бессознательно пыталась восстановить его и сохранить его внутри себя, и выбросить все, что она считала безразличным, или даже враждебным - т.е. “плохие” объекты, опасные выделения и плохие чувства.

Некоторые люди в печали приводят в порядок дом и изменяют обстановку, действия, которые происходят от усиления обсессивных механизмов, которые являются повторением одной из защит, используемых для борьбы с инфантильной депрессивной позицией.

В первую неделю после смерти сына она мало плакала, и слезы не давали ей облегчения, как в дальнейшем, Она чувствовала, что дни ее сочтены, она физически разрушена. Однако, ей давало некоторое облегчение общение с одним или двумя близкими людьми. На этой стадии у миссис А,, которая обычно видела сны каждую ночь, полностью прекратились сновидения из-за ее глубокого бессознательного отрицания ее действительной потери. В конце недели она видела следующее сновидение:

Она видела двоих, мать и сына. Мать была одета в черное платье. Сновидица знала, что этот мальчик умер, или умрет. В ее чувствах не было сожаления, но даже след враждебности к этим людям.

Ассоциации привели к важному воспоминанию. Когда миссис А. была маленькой девочкой, ее брат, который имел трудности в школе, собирался обучаться у своего школьного товарища одного с ним возраста (Я назову его Б.). Мать Б. пришла к матери миссис А., чтобы договориться о репетиторстве, и миссис А. помнит этот случай с очень сильными чувствами. Мать Б. вела себя покровительственно, и ее собственная мать, как ей показалось, была несколько огорчена. Она сама чувствовала, что страшный позор обрушился на ее брата, которым она восхищалась и которого очень любила, и на всю семью. Ее брат, на несколько лет старше ее, казался ей полным знаний, мастерства и силы - образец всех добродетелей, и ее идеал был разрушен, когда его трудности в школе вышли на свет. Сила ее чувств в связи с этим случаем, как непоправимым несчастьем, которая существовала в ее памяти, была, однако, связана с ее бессознательным чувством вины. Она чувствовала, что это было исполнением ее собственных злобных желаний. Ее брат был очень огорчен этой ситуацией, и выражал значительную нелюбовь и ненависть к другому мальчику. Миссис А. в то время идентифицировала себя с ним в этих мстительных чувствах. В сновидении два человека, которых миссис А. видела, были Б. и его мать, и факт, что мальчик умер, выражал раннее желание миссис А. смерти этому мальчику. В то же время, однако, желание смерти своему собственному брату и желание наказать свою мать потерей ее сына - очень глубоко вытесненные желания - были частью ее мыслей сновидения. Теперь оказалось, что миссис А., со всем ее восхищением и любовью к своему брату, ревновала к нему по различным поводам, завидовала его большим знаниям, его умственному и физическому превосходству, и также его обладанию пенисом. Ее ревность к ее горячо любимой матери, имеющей такого сына, вносила свой вклад в желание смерти брату. Одна из мыслей сновидения, таким образом, была: “Сын матери умер, или умрет. Это сын той неприятной женщины, которая обидела мою мать и брата, он должен умереть.” Но в более глубоких слоях также реактивируется желание смерти ее брату, и эта мысль сновидения такова: “Умер сын моей матери, а не мой собственный”. (И ее мать, и ее брат уже на самом деле умерли.) Здесь проявились противоположные чувства -симпатия к матери и сожаление о себе самой. Она чувствует: “Одной такой смерти достаточно.

Моя мать потеряла своего сына, она не должна потерять также своего внука". Когда ее брат умер, кроме огромного горя, она бессознательно чувствовала триумф над ним, происходящий от ее ранней ревности и ненависти, и соответствующих чувств вины. Она перенесла некоторые из ее чувств к своему брату в свое отношение к сыну. В своем сыне она также любила своего брата, но в это же время, некоторая амбивалентность к брату, хотя и модифицированная сильными материнскими чувствами, также переносилась на ее сына. Печаль о брате, вместе с сожалением, триумфом и виной, переживаемым в отношении к нему, вошли в ее сегодняшнюю печаль и проявились в сновидении.

Давайте рассмотрим взаимодействие защит, как они проявляются в этом материале. Когда произошла потеря, маниакальная защита усилилась, и отрицание, в частности, стало играть существенную роль. Бессознательно миссис А. отвергала факт, что ее сын умер. Когда она уже не могла более полагаться на это отрицание в такой степени, но еще не была способна встретиться лицом к лицу с болью и страданием, триумф, другой элемент маниакальной позиции, стал усиливаться. "Это совсем не болезненно", - по-видимому, говорят мысли сновидения, как показывают ассоциации, - "если умер какой-то мальчик. Это даже хорошо. Сейчас я осуществила свою месть этому неприятному мальчику, который обидел моего брата". Факт, что триумф над братом также ожил и усилился, стал очевиден только после тяжелой аналитической работы. Но этот триумф был ассоциирован с управлением *интернализированными* матерью и братом, и триумфом над ними. На этой стадии *контроль* над ее внутренними объектами усилился, несчастье и печаль были *смещены* с нее на ее интернализированную мать. Здесь отрицание вновь входит в игру - отрицание психической реальности, что она и ее внутренняя мать страдали вместе. Сострадание и любовь к внутренней матери отрицались, чувство мести и триумф над интернализированными объектами и управление ими усилилось, и частично вследствие ее собственных мстительных чувств, они превратились в преследователей.

В сновидении был только один легкий намек на растущее у миссис А. бессознательное знание (указывающее, что отрицание ослабло), что это была она *сама*, кто потерял своего сына. Днем накануне сновидения она одевала черное платье с белым воротником. У женщины в сновидении тоже было что-то белое вокруг шеи на ее черном платье.

Через две ночи после этого сновидения ей приснилось вновь:

Она летает со своим сыном, и он исчезает. Она чувствует, что это означает его смерть - что он утонул. Она чувствует, что будто бы тоже должна утонуть - но затем она делает усилие и избегает опасности и остается в живых.

Ассоциации показывают, что в сновидении она решает, что не должна умирать с ее сыном, а должна выжить. По-видимому, даже во сне она чувствует, что хорошо остаться живо и плохо умереть. В этом сновидении бессознательное понимание ее потери более доступно, чем два дня назад. Сожаление и вина проявляются ближе. Очевидное чувство триумфа исчезло, но ясно, что оно лишь уменьшилось. Оно все еще присутствует в ее удовлетворении тем, что она осталась живой - по контрасту со смертью ее сына. Чувства вины, которые уже ощущались, были частично связаны с этим элементом триумфа.

Напомню здесь высказывание Фрейда из его работы "Печаль и меланхолия": "Реальность накладывает свой вердикт - что объект больше не существует - на каждое отдельное воспоминание и надежду, которыми либидо было присоединено к потерянному объекту, и Эго, поставленное перед выбором, разделить ли его судьбу, убеждается суммой нарциссический удовлетворений остаться живым и разорвать свою привязанность к несуществующему объекту." С моей точки зрения, это "нарциссическое удовлетворение" содержит в мягкой форме элемент триумфа, который Фрейд, по-видимому, считал не входящим в нормальную печаль.

Во время второй недели ее печали миссис А. нашла некоторое удовольствие в рассматривании красиво расположенных домов в пригороде, и в желании иметь такой дом. Но это удовольствие вскоре было прервано приступами отчаяния и горя. Теперь она сильно плакала, и находила

облегчение в слезах. Утешение, которое она нашла в рассматривании домов, происходило от восстановления внутреннего мира в ее фантазии через этот интерес и также от получения удовольствия от знания, что дама других людей и хорошие объекты существуют. В конце концов это представляло собой восстановление ее хороших родителей, внешне и внутренне, объединение их, их счастье и созидательность. В своем уме она совершила репарацию своим родителям за убийство, в фантазии, их детей и за что она предчувствовала их гнев. Таким образом ее страз, что смерть ее сына была наказанием ее мстительными родителями, терял силу, и также уменьшалось чувство, что ее сын наказывает ее своей смертью. Уменьшение ненависти и страха в свою очередь позволило печали проявиться с полной силой. Увеличение недоверия и страхов усилило ее чувство преследования и управления ею внутренними объектами и усилило ее потребность управлять ими. Все это выразило себя в ожесточении ее внутренних отношений и чувств -т.е., в усилении маниакальных защит. (Это было показано в ее первом сновидении.) Если они вновь уменьшатся благодаря усилению веры субъекта в хорошие качества - его собственные и чужие - и страхи уменьшатся, печалящийся будет способен подчиниться своим собственным чувствам, и выплакать свою печаль о реальной потере.

По-видимому, процессы проекции и выделения (ejecting), которые тесно связаны с освобождением чувств, тормозятся на определенных стадиях печали избыточным маниакальным контролем, и могут вновь действовать более свободно, когда этот контроль ослабляется. Через слезы, которые в бессознательном приравниваются к экскрементам, печалящийся не только выражает свои чувства и таким образом уменьшает напряжение, но также изгоняет свои “плохие” чувства и “плохие” объекты, и это добавляется к облегчению, достигаемому через слезы. Эта большая свобода во внутреннем мире подразумевает, что интернализированные объекты, будучи менее контролируемыми со стороны Эго, также допускают большую свободу: что эти объекты сами по себе допускают, в частности, большую свободу чувств. В ситуации печали чувства интернализированных объектов тоже полны печали. В его уме они разделяют его горе, также как это сделали бы реальные родители. Поэт говорит нам, что “природа скорбит вместе со скорбящим”. Я полагаю, что “природа” в этом случае представляет собой внутреннюю хорошую мать. Это переживание взаимной печали и симпатии во внутренних отношениях, однако, вновь связано с внешними отношениями. Как я уже говорила, большая вера миссис А. в реальных людей и помощь, полученная от внешнего мира, служит ослаблению маниакального контроля над ее внутренним миром. Таким образом интроекция (равно как и проекция) может действовать еще более свободно, больше хороших качеств и любви могут быть взяты извне, и хорошие качества и любовь все более и более начинают ощущаться внутри. Миссис А., которая на более ранней стадии ее печали в некоторой степени чувствовала, что ее потеря была наказанием со стороны мстительных родителей, могла теперь в фантазии ощущать симпатию этих родителей (которые давно умерли), их желание поддержать ее и помочь ей. Она чувствовала, что они также страдают от тяжелой утраты и разделяют ее горе, как они сделали бы это, если бы были живы. В ее внутреннем мире жестокость и подозрительность уменьшились, и сожаление усилилось. Слезы, которые она проливала, в некоторой степени были слезами, которые проливали ее внутренние родители, и она также хотела утешить их, как они - в ее фантазии - утешали ее.

Если большая безопасность во внутреннем мире постепенно достигается, и чувствам и внутренним объектам, следовательно, вновь позволено вернуться к жизни, могут начаться восстановительные процессы и возвратиться надежда.

Как мы уже видели, это изменение происходит благодаря определенным движениям в двух группах чувств, которые формируют депрессивную позицию: преследование уменьшается и тоска по утраченному любимому объекту переживается в полную силу. Иными словами: ненависть отступает и любовь освобождается. Необъемлемой чертой чувства преследования является то, что оно питается ненавистью и в то же время само питает ненависть. Более того, чувство преследования и наблюдения со стороны внутренних “плохих” объектов, и следующая из этого необходимость постоянно наблюдать за ними, приводит к определенной зависимости, которая усиливает маниакальные защиты. Эти защиты, используемые преимущественно против

чувства преследования (и не в такой степени против тоски по любимому объекту), по своей природе очень садистические и сильные. Когда преследование уменьшается, враждебная зависимость от объекта, вместе с ненавистью, также уменьшается, и маниакальные защиты ослабляются Тоска по утраченному любимому объекту также подразумевает зависимость от него, но такую зависимость, которая становится стимулом к репарации и предохранению объекта. Она созидательная, потому что в ней преобладает любовь, тогда как зависимость, основанная на преследовании и ненависти, бесплодна и деструктивна.

Таким образом, когда печаль переживается в полную силу и отчаяние в самом разгаре, любовь к объекту берет верх, и печалящийся чувствует более сильно, что жизнь внутри и вовне будет продолжаться не смотря ни на что, и что утраченный любимый объект может быть сохранен внутри. На этой стадии печали страдание может стать продуктивным. Мы знаем, что болезненные переживания разного рода иногда стимулируют сублимации, или даже выявляют новые способности в некоторых людях, которые могут начать рисовать, писать или заниматься другой продуктивной деятельностью под действием фрустраций и тяжелых испытаний. Другие становятся более продуктивными иным образом - более способными понимать людей и события, более терпимыми в своем отношении к другим - они становятся мудрее. Такие достижения, с моей точки зрения, происходят вследствие процессов, аналогичных тем шагам в печали, которые мы только что исследовали. То есть, любая боль, вызванная несчастливыми переживаниями, независимо от их природы, имеет нечто общее с печалью. Она реактивирует инфантильную депрессивную позицию, и столкновение с несчастьями любого рода и преодоление их подразумевает душевную работу, аналогичную печали.

Кажется, что каждое продвижение вперед в процессе печали приводит к углублению отношения индивидуума к его внутренним объектам, к счастью обретения их после того, как они были утеряны (“Рай утраченный и восстановленный”), к увеличению веры в них и любви к ним, потому что они оказались хорошими и помогающими несмотря ни на что. Это похоже на тот путь, которым маленький ребенок шаг за шагом строит свои отношения к внешним объектам, т.к. он обретает веру не только через приятные переживания, но также через преодоление фрустраций и неприятных переживаний, при котором он тем не менее сохраняет свои хорошие объекты (внешне и внутренне). Фазы в работе печали, когда маниакальные защиты ослабляются и начинается возобновление жизни внутри, с углублением внутренних отношений, сравнимы м теми шагами, которые в раннем развитии приводят к большей независимости от внешних, равно как и от внутренних объектов.

Вернемся к миссис А. Ее облегчение при разглядывании красивых домов объяснялось зарождением некоторой надежды, что она сможет воссоздать своего сына и своих родителей; жизнь началась вновь внутри нее и во внешнем мире. В это время она смогла вновь видеть сновидения и бессознательно начала смотреть в лицо своей утрате. Теперь она чувствовала более сильное желание видеть вновь друзей, но пока только по одному и на короткое время, эти чувства большего комфорта, однако, вновь сменились страданием. (В печали, как и в инфантильном развитии, внутренняя безопасность достигается не прямым движением, а волнами). Через несколько недель печали, например, миссис А. пошла на прогулку с другом по знакомым улицам, в попытке восстановить старые связи. Она внезапно поняла, что количество людей на улице кажется ошеломляющим, дома странными, солнечный свет искусственным и нереальными. Она попыталась найти убежище в тихом ресторане. Но там она почувствовала, будто потолок обрушивается, и люди на местах выглядят как в тумане. Ее собственный дом внезапно показался ей единственным безопасным местом в мире. В анализе стало ясно, что пугающее безразличие этих людей было отражением ее внутренних объектов, которые в ее уме превратились во множество “плохих” преследующих объектов. Внешний мир ощущался искусственным и нереальным, потому что не было реальной веры во внутренние хорошие качества.

Многие печалящиеся могут делать только медленные шаги в восстановлении связей с внешним миром, потому что они борются с хаосом внутри, по аналогичным причинам ребенок развивает

свою веру в объектный мир первоначально в связи с несколькими любимыми людьми. Без сомнения, другие факторы, например, его интеллектуальная незрелость, также частично ответственны за это постепенное развитие у ребенка объектных отношений, но я утверждаю, что это объясняется также хаотическим состоянием его внутреннего мира.

Одно из различий между ранней депрессивной позицией и нормальной печалью состоит в том, что когда ребенок теряет грудь или бутылку, которые представляют собой для него “хороший”, помогающий, защищающий объект внутри него, и испытывает печаль, он делает это несмотря на присутствие его матери. У взрослого человека, однако, печаль вызывается реальной потерей реального лица, хотя помощь приходит к нему в этой ошеломляющей потере от установленной в его ранней жизни его “хорошей” матери внутри него. Маленький ребенок, однако, сталкивается с самым разгаром борьбы со страхами потерять ее внутренне и внешне, поскольку он еще не достиг успеха в безопасном установлении ее внутри себя. В этой борьбе отношение ребенка к матери, ее реальное присутствие оказывают величайшую помощь. Аналогично, если печалящийся имеет людей, которых он любит и которые разделяют его печаль, и если он может принять их симпатию, восстановление гармонии в его внутреннем мире стимулируется, и его страхи и страдания ослабевают более быстро.

Описав некоторые процессы, которые я наблюдала в работе печали и в депрессивных состояниях, я хочу сейчас связать мой вклад с работой Фрейда и Абрахама.

Следуя открытиям Фрейда и своим собственным о природе архаических процессов в работе меланхолии, Абрахам обнаружил, что такие процессы также действуют в работе нормальней печали. Он сделал вывод, что в этой работе индивидуум достигает успеха в установлении утраченного любимого лица в своем Эго, тогда как меланхолик терпит неудачу в попытке это сделать. Абрахам также описал некоторые фундаментальные факторы, от которых зависит этот успех или неудача.

Мой опыт привел меня к выводу, что, хотя верно, что характерной чертой нормальной печали является установление утраченного любимого объекта внутри себя, он не делает это первое время, но, через работу печали, он переустанавливает этот объект, равно как и все его любимые *внутренние* объекты, которые он чувствует утраченными. Он, следовательно, *восстанавливает* то, чего он уже достиг в детстве.

В ходе своего раннего развития, как мы знаем, он устанавливает своих родителей внутри своего Эго. (Именно понимание процессов интроекции в меланхолии и в нормальной печали, как известно, привело Фрейда к осознанию существования Супер-Эго в нормальном развитии.) Но, что касается природы Супер-эго и истории его индивидуального развития, мои выводы отличаются от выводов Фрейда. Как я уже указывала, процессы интроекции и проекции с самого начала жизни приводят к созданию внутри нас любимых и ненавидимых объектов, которые мы чувствуем как “хорошие” и “плохие”, и которые взаимосвязаны друг с другом и с собственной личностью (self): т.е., они составляют внутренний мир. Это собрание интернализированных объектов становится организованным, вместе с организацией Эго, и с высших слоях психики оно становится различимо как Супер-Эго. Таким образом, явление, которое было осознано Фрейдом, вообще говоря, как голоса и влияние реальных родителей, установленных в Эго, в соответствии с моими наблюдениями, есть комплексный объектный мир, который воспринимается индивидуумом, в глубоких слоях бессознательного, как существующий реально внутри него, и для которого я и ряд моих коллег поэтому используем термин “интернализированный”, или внутренний мир. Этот внутренний мир состоит из бесчисленного множества объектов, принятых в Эго, соответствующих частично множеству различных аспектов, хороших и плохих, в которых родители (и другие люди) появляются перед бессознательным ребенка на различных стадиях его развития. Далее, они также представляют всех реальных людей, которые непрерывно становятся интернализированными во множестве ситуаций, создаваемых многообразными постоянно изменяющимися внешними переживаниями и фантазиями. В дополнение, все эти объекты во внутреннем мире находятся в бесконечных сложных отношениях друг с другом и с собственной личностью (self).

Если я теперь применю эту концепцию организации Супер-эго в сравнении с концепцией Супер-Эго Фрейда к процессу печали, природа моего вклада в понимание этого процесса станет ясна. В нормальной печали индивидуум реинтроецирует и переустанавливает, вместе с реально утраченным лицом, своих любимых родителей - которых он воспринимает как свои “хорошие” внутренние объекты. Его внутренний мир, который он строит с самых ранних дней, в его фантазии разрушается, когда происходит реальная утрата. Восстановление этого внутреннего мира характеризует успешную работу печали.

Понимание этого сложного внутреннего мира позволяет аналитику обнаружить и разрешить множество ситуаций ранней тревоги, которые были первоначально неизвестны, и, следовательно, имеют такое большое теоретическое и терапевтическое значение, что его нельзя даже полностью оценить. Я полагаю, что проблему печали также можно понять более полно, только принимая во внимание эти ситуации ранней тревоги.

Сейчас я проиллюстрирую в связи с печалью одну их этих ситуаций тревоги, которая, как я обнаружили, имеет решающее значение также в маниакально-депрессивных состояниях. Я имею в виду тревогу относительно интернализированных родителей в деструктивной сексуальной связи, они, равно как и собственная личность, ощущаются находящимися в постоянной опасности сильного разрушения. Ниже я приведу отрывки из нескольких сновидений пациента Д., сорокалетнего мужчины с сильными параноидными и депрессивными наклонностями. Я не буду входить в детали этого случая в целом: здесь я только покажу пути, которыми эти специфические страхи и фантазии пробудились в пациенте со смертью его матери. У нее уже некоторое время было очень плохое состояние здоровья, и в то время, о котором я говорю здесь, она была практически без сознания.

Однажды во время анализа Д. говорил о своей матери с ненавистью и горечью, обвинял ее в том, что она сделала несчастным ее отца. Он также ссылался на случаи суицида и сумасшествия, которые были в семье его матери. Его мать, говорил он, была “безумной” некоторое время. Дважды он применил термин “безумный” к самому себе и затем сказал: “Я знаю, вы собираетесь сделать меня безумным и запереть меня”. Он говорил о животном, запертом в клетке. Я проинтерпретировала, что его сумасшедший родственник и его безумная мать теперь ощущались им внутри него самого, и что страх быть запертым в клетку частично подразумевал его более глубокий страх содержать этих безумных людей внутри него самого и таким образом самому стать безумным. Затем он рассказал мне сновидение предыдущей ночи:

Он видел быка, лежащего во дворе фермы. Он был не совсем мертвый, и выглядел очень жутким и опасным. Он стоял с одной стороны быка, а его мать в другой. Он убежал в дом, чувствуя, что он оставил свою мать в опасности и что он не должен был так поступать, но он смутно надеялся, что она убежит.

К его собственному удивлению, первой ассоциацией моего пациента были черные дрозды, которые не давали ему спать по утрам. Затем он заговорил о буйволах в Америке, стране, где он родился. Он всегда интересовался ими и восхищался, когда видел их. Потом он сказал, что можно отстреливать их и использовать в пищу, но что они вымирают и их следует охранять. Затем он упомянул историю о человеке, который был вынужден лежать на земле несколько часов, кода бык стоял над ним, и он боялся пошевелиться в страхе быть раздавленным. Также была ассоциация о реальном быке на ферме друга, он недавно видел этого быка, и сказал, что он выглядит ужасно. Эта ферма имела для него ассоциации, через которые она представляла собой для него его собственный дом. Он провел большую часть своего детства на большой ферме своего отца. Кроме этого, были ассоциации о цветах, распространенных в сельской местности и укоренившихся в городских садах. Д. видел владельца этой фермы вновь в тот вечер и настойчиво советовал ему держать быка под контролем. (Д. узнал, что бык недавно разрушил некоторые постройки на ферме.) Позже этим вечером он получил известие о смерти своей матери.

Во время следующего часа Д. сначала не упоминал о смерти матери, но выражал свою ненависть ко мне - мое лечение убьет его. Я тогда напомнила ему сновидение о быке, проинтерпретировав, что в его уме его мать смешалась с атакующим быком - отцом - который сам был полумертвым - и стала жуткой и опасной. Я сама и лечение в этот момент представляли собой эту комбинированную родительскую фигуру. Я подчеркнула, что недавнее увеличение ненависти к матери было защитой против его горя и отчаяния от приближающейся смерти. Я обратила внимание на его агрессивные фантазии, которыми он в своем уме превратил отца в опасного быка, который разрушит его мать, затем на его чувство ответственности и вины за это надвигающееся несчастье. Я также указала на замечание пациента о буйволах, употребляемых в пищу, и объяснила, что он инкорпорировал комбинированную родительскую фигуру и поэтому боялся, что будет разрушен быком внутри. Предыдущий материал показал его страх контроля внутренними опасными существами и их нападения на него, страх, который приводил, среди прочего, к тому, что он временами становился совсем неподвижным. Его рассказ о человека, которому угрожала опасность быть раздавленным быком, который был неподвижным и контролировался быком, я проинтерпретировала как представление опасности, которая, как он чувствовал, угрожает ему изнутри.

Затем я показала пациенту сексуальный подтекст нападения быка на мать, связав это с его раздражением птицами, которые разбудили его этим утром (что было его первой ассоциацией к сновидению о быке.) Я напомнила ему, что в его ассоциациях птицы часто представляли собой людей, и что шум, создаваемый птицами - шум, к которому он вполне привык - представлял для него опасную сексуальную связь его родителей, и был столь нестерпимым в это конкретное утро из-за сновидения о быке, и из-за его острой тревоги об умирающей матери. Таким образом смерть его матери означала для него ее разрушение быком внутри него, т.к. - работа печали уже началась - он уже интернализировал ее в этой наиболее опасной ситуации.

Я также выделила некоторые черты сновидения, полные надежды. Его мать должна спастись сама от быка. Черных дроздов и других птиц он в действительности любил. Я показала ему также стремления к репарации и восстановлению, присутствующие в материале. Его отец (буйвол) должен быть сохранен, т.е. защищен от его - пациента - собственной жадности. Я напомнила ему, среди других вещей, о семенах, которые он хотел привезти из деревни, которую он любил, в город, и которые представляли собой новых детей, создаваемых им и его отцом как репарация его матери - эти живые дети были также средством сохранить ее живой.

Только после этой интерпретации он в действительности стал способен рассказать мне, что его мать умерла прошлой ночью. Затем он выразил, что было необычным для него, полное понимание процессов интернализации, которые я проинтерпретировала ему. Он сказал, что после того, как он получил известие о смерти матери, он почувствовал себя больным, хотя он думал в то время, что не было физических причин для этого. Как ему показалось, это подтверждало мою интерпретацию, что он интернализировал всю воображаемую ситуацию его борющихся и умирающих родителей.

Во время этого часа он проявлял большую ненависть, тревогу и напряжения, но вряд ли какое-либо сожаление, ближе к концу, однако, после моей интерпретации, его чувства смягчились, появилась некоторая печаль и он ощутил некоторое облегчение.

Ночью после похорон матери Д. приснилось, что Х. (отцовская фигура) и другое лицо (которое представляло меня) старались помочь ему, но в действительности он должен был сражаться с нами за свою жизнь, как он сказал: “Смерть пришла за мной”. В этот час он вновь говорил с горечью о своем анализе, как дезинтегрирующем его. Я проинтерпретировала, что он чувствует, что помогающие внешние родители в то же время нападающие, дезинтегрирующие родители, которые собираются атаковать и разрушить его - полумертвый бык и умирающая мать внутри него - и что я сама и анализ стали представлять опасных людей и события внутри него. То, что его отец был также интернализирован им как умирающий или мертвый, подтвердилось, когда он сказал, что на похоронах матери он засомневался на мгновение, не умер ли его отец. (В реальности отец был все еще жив.) К концу этого часа, после уменьшения ненависти и тревоги,

он опять стал более кооперативным. Он вспомнил, что накануне, когда он выглянул из окна отцовского дома и чувствовал одиночество, ему не понравилась сойка, которую он увидел в кустарнике. Он подумал, что это отвратительная деструктивная птица, возможно, мешает гнездам других птиц с яйцами в них. Затем он высказал ассоциацию, что он видел, некоторое время назад, охапки диких цветов, брошенных не землю -возможно, их сорвали и бросили дети. Я вновь проинтерпретировала его ненависть и горечь как часть защиты против сожаления, одиночества и вины. Деструктивная птица, деструктивные дети - как часто и раньше - представляли его самого, кто, с своем воображении, разрушил дом и счастье родителей и убил свою мать, разрушив ее детей внутри нее. В этой связи его чувства вины относились к его *прямой* атаке в фантазиях на тело его матери, тогда как в сновидении о быке вина исходила от *непрямых* атак на него, когда он превратил своего отца в опасного быка, который таким образом должен был выполнить его -пациента- собственные садистические желания.

На третью ночь после похорон матери Д. имел другое сновидение.

Он видел автобус, который ехал на него неуправляемым образом - очевидно, без водителя. Он двигался к ангару. Он не мог видеть, что случилось с ангаром, но знал определенно, что ангар "запылал". Тогда двое людей, вышедших из-за него, открыли ворота ангара и заглянули туда. Д. "не видел, зачем они делали это", но, казалось, они думают, что это должно помочь.

Кроме проявления страха быть кастрированным отцом в гомосексуальном акте, которого он в то же время желал, это сновидение показало ту же внутреннюю ситуацию, что и сновидение с быком - смерть его матери внутри него и его собственная смерть. Ангар представлял собой тело его матери, его самого и также его мать внутри него. Опасная сексуальная связь, представленная автобусом, разрушающим ангар, произошла в его уме с его матерью и с ним самим, но, помимо этого, и там, где преимущественно сосредоточена тревога, с его матерью внутри него.

Его неспособность видеть, что случилось, в сновидении указывает, что в его уме катастрофа произошла внутренне. Он также знал, что ангар "запылал", не видя этого. Автобус "ехал на него", что, помимо сексуальной связи и кастрации отцом, также означало "случившееся внутри него".

Два человека, открывающих дверь сзади (он указал на мое кресло) были он сам и я, глядящие внутрь его и в его ум (психоанализ). Два человека также представляли собой меня как "плохую" комбинированную родительскую фигуру, меня, содержащую опасного отца - отсюда его сомнения о том, может ли заглядывание в ангар (анализ) помочь ему.

Неуправляемый автобус представлял собой также его в опасной сексуальной связи с матерью, и выражал его страх и вину с связи с плохими качествами своих собственных гениталий. Перед смертью своей матери, в то время, когда ее смертельная болезнь уже началась, он случайно направил свою машину на столб - без серьезных последствий. По-видимому, это была бессознательная попытка самоубийства с целью разрушения внутренних "плохих" родителей. Этот случай также представлял его родителей в опасной сексуальной связи внутри него, и был таким образом отыгрыванием вовне, равно как и экстернализацией внутреннего несчастья.

Фантазия о родителях, соединенных в "плохом" половом акте - или, вернее, масса эмоций различного рода, желаний, стразов и вины, которые сопутствуют ей - очень сильно нарушили его отношение к обоим родителям и играли важную роль не только в его заболевании, но и во всем его развитии. Благодаря анализу этих эмоций, относящихся к реальным родителям в половом акте, и, в частности, благодаря анализу этих интернализированных ситуаций, пациент стал способен переживать реальную печаль по своей матери. Всю свою жизнь, однако, он избегал депрессии и сожаления о ее потере, которые происходили от его инфантильных депрессивных чувств, и отрицал свою очень сильную любовь к ней. В его уме он усиливал свою ненависть и чувства преследования, потому что не мог вынести страх потери своей любимой матери. Когда его тревоги о его собственной деструктивности уменьшились и вера в свою силу восстановить и сохранить ее стала усиливаться, чувство преследования уменьшилось и любовь к ней стала

выходить на первый план. Но вместе с этим он стал все сильнее переживать горе и страстное желание ее, которые он вытеснял и отрицал с самых ранних дней жизни. Когда он проходил через печаль с сожалением и отчаянием, его глубоко пылающая любовь к его матери проявлялась все более и более, изменилось его отношение к обоим родителям. Однажды он назвал их в связи с приятным детским воспоминанием, “мои дорогие старые родители” - что было новым в его поведении.

Я описала здесь и в моей предыдущей статье более глубокие причины неспособности индивидуума преодолеть успешно инфантильную депрессивную позицию. Неудача в попытке сделать это может привести к депрессивному заболеванию, мании или паранойе. Я выделила один или два других метода, которыми Эго стремится избежать страданий, связанных с депрессивной позицией, а именно, либо бегство к внутренним хорошим объектам (которое может привести к тяжелым психозам) или бегство к внешним хорошим объектам (с вероятным возникновением невроза). Существует, однако, множество путей, основанных на обсессивных, маниакальных и параноидных защитах, варьирующихся от индивидуума к индивидууму в их относительных пропорциях, которые, как свидетельствует мой опыт, все служат одинаковой цели, т.е., позволить индивидууму избежать страданий, связанных с депрессивной позицией. (Все эти методы, как я уже указывала, играют роль также и в нормальном развитии). Это можно ясно видеть в анализе людей, которые неспособны переживать печаль. Чувствуя себя неспособными сохранить и безопасно переустановить свои любимые объекты внутри себя, они должны вечно отворачиваться от них и, таким образом, отрицать свою любовь к ним. Это может привести к тому, что их эмоции в целом становятся более заторможенными; в других случаях главным образом подавляются чувства любви и увеличивается ненависть. В то же время Эго использует различные способы обращения с параноидными страхами, которые становятся сильнее с усилением ненависти). Например, внутренние “плохие” объекты подчиняются (manically), а также усиленно проецируются во внешний мир. Некоторые люди, которые терпят неудачу в переживании печали, могут избежать вспышки маниакально-депрессивного заболевания или паранойи только сильно ограничивая свою эмоциональную жизнь, что обедняет их личность в целом.

Степень душевного равновесия, которая может поддерживаться у людей такого типа, часто зависит от способов взаимодействия этих различных методов и от их способности сохранить в живых в других направлениях некоторое количество любви, которую они отрицают в отношении своих утраченных объектов. Отношения с людьми, которые в их уме не вязаны столь близко с утраченным объектом, и интересы к событиям и деятельности, могут абсорбировать часть этой любви, которая принадлежит утраченному объекту. Хотя эти отношения и сублимации будут иметь некоторые маниакальные и параноидные качества, они могут, тем не менее, давать некоторое утешение и облегчение от вины, т.к. через них утраченный любимый объект, от которого отказались и таким образом вновь разрушили, в некоторой степени восстанавливается и сохраняется в бессознательном.

Если у наших пациентов анализ уменьшает тревогу в связи с деструктивными и преследующими внутренними родителями, отсюда следует, что ненависть и таким образом, в свою очередь, тревоги уменьшаются, и пациенты становятся способными пересмотреть свое отношение к родителям - не зависимо от того, умерли они или живы - и реабилитировать их в некоторой степени, даже если они имеют основания для реальных обид. Эта большая терпимость дает их возможность установить в их уме “хорошие” родительские фигуры более безопасно, бое о бок с “плохими” внутренними объектами, или, вернее, уменьшить страх этих “плохих” объектов верой в “хорошие”. Это означает разрешение им переживать эмоции - сожаление, вину и горе, равно как любовь и веру - чтобы пройти через печаль, но преодолеть ее, и в конечном счете преодолеть инфантильную депрессивную позицию, что им не удалось сделать в детстве.

Подведем итоги. В нормальной печали, как и в патологической печали и в маниакально-депрессивных состояниях, реактивируется инфантильная депрессивная позиция. Сложные чувства, фантазии и тревоги, объединяемые этим понятием, имеют природу, которая подтвердила

мое утверждение, что ребенок в своем раннем развитии проходит через временное маниакально-депрессивное состояние и состояние печали, которые модифицируются инфантильным неврозом. С преодолением инфантильного невроза инфантильная депрессивная позиция также преодолевается.

Фундаментальное различие между нормальной печалью, с одной стороны, и патологической печалью и маниакально-депрессивными состояниями с другой, заключается в следующем. Маниакально-депрессивный человек и человек, потерпевший неудачу в работе печали, хотя их защиты могут сильно отличаться, имеет общее в том, что они в раннем детстве были не способны установить свои внутренние “хорошие” объекты и почувствовать безопасность в своем внутреннем мире. В действительности они никогда не преодолевали инфантильную депрессивную позицию. В нормальной печали, однако, ранняя депрессивная позиция, которая оживает в результате потери любимого объекта, вновь модифицируется и преодолевается методами, сходными с теми, которые использовало Эго в детстве. Индивидуум переустанавливает свой действительно утраченный любимый объект; но он также в это время переустанавливает внутри себя свой первый любимый объект - в конечном счете “хороших” родителей - которых, когда происходит реальная утрата, он также чувствует опасность утратить. Именно благодаря восстановлению внутри себя “хороших” родителей, как и недавно утраченного лица, и благодаря восстановлению своего внутреннего мира, который был дезинтегрирован и находился в опасности, человек преодолевает свою печаль, достигает безопасности и приобретает истинную гармонию и мир.